

Н. Д. СВЕТОЗАРОВА

ИНОЭТНИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ В ИНСТИТУТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(Изучение фольклорных собраний Пушкинского Дома в международных проектах)

В Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН хранится большое количество рукописных и звуковых материалов, относящихся к разным языкам и этносам России, Советского Союза и зарубежных стран. Наличие в академическом институте, предназначением которого является изучение и сохранение русской литературы, прежде всего в его Фонограммархиве, а также в Рукописном отделе, богатейших иноязычных и инокультурных собраний объясняется историей этого научного заведения, в ходе которой в его собрания вливались коллекции Государственного института истории искусств, Музея антропологии и этнографии Академии наук, Ленинградской государственной консерватории, Государственного института музыкальной науки, Института востоковедения Академии наук и др. Таким образом, Фонограммархив стал обладателем обширного и разнообразного фонда фольклорных звукозаписей от более чем ста народностей.¹

Фольклорные коллекции Фонограммархива, уникальный фонд звукозаписей и рукописей, сохранивших редчайшие образцы уст-

¹ Об истории Фонограммархива ИРЛИ см.: *Горелов А. А., Марченко Ю. И.* Отдел народнопоэтического творчества // Пушкинский Дом. Материалы к истории 1905—2005. СПб., 2005. С. 227—229; а также: *Гинтис Е. В.* Фонограммархив Фольклорной секции Института антропологии, этнографии и археологии Академии наук СССР // Советский фольклор. 1936. № 4—5. С. 405—413; *Магид С. Д.* Список собраний Фонограмм-архива Фольклорной секции ИАЭА Академии наук СССР // Советский фольклор. 1936. № 4—5. С. 415—428; *Korguzalov V. V., Troitskaya A. D.* The Phonogram Archive of the Institute for Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg // The world of music. 1993. 35 (1). P. 115—120.

ного народного творчества, представляют огромную ценность для истории мировой культуры. Об этом также говорит тот факт, что ЮНЕСКО включила коллекцию Фонограммархива Пушкинского Дома в программу «Память Мира» (Memory of the World).

Тем не менее богатейшие звуковые и рукописные собрания Фонограммархива недостаточно известны специалистам, поскольку его каталоги полностью не опубликованы. Первое описание собраний, сделанное на основе предварительной разборки, было опубликовано в журнале «Советская этнография» за 1931 г. (№ 3—4). В 1936 г. в журнале «Советский фольклор» появилась статья Е. В. Гиппиуса,² в которой излагалась история коллекций Фонограммархива Фольклорной секции Института антропологии, этнографии и археологии Академии наук СССР, их структура и принципы описания. Непосредственно за статьей Гиппиуса следовал составленный сотрудницей Фольклорной секции Софьей Давыдовой Магид (1892—1954) «Список собраний Фонограммархива» — опись коллекций, отражавшая состояние на 1 января 1936 г.³ В списке Магид содержатся данные о времени и месте записи коллекции, ее собирателе, этносе (народе), количестве единиц хранения. Опись состоит из пяти разделов. В первом в хронологическом порядке, начиная со старейшей коллекции Е. Э. Линевой (1897—1901), описаны собрания, состоящие из архивных оригиналов, всего здесь 125 коллекций и 4054 фоновалика (восковых цилиндра). Далее перечислены временные рабочие оригиналы (534), копии с оригиналов других фонохранилищ (109), ретор-диски (323) и граммофонные пластинки (126). К описи приложены географический указатель и алфавитный список народов и народностей (всего — 63), а также алфавитный список собирателей коллекций (61).⁴

Данный список многие годы оставался практически единственной публикацией, которая давала представление о содержании и объеме коллекций Фонограммархива. Между тем шло постоянное пополнение фондов, прежде всего за счет новых экспедиционных материалов, но процесс этот не получал систематического отражения в печати. Существенное пополнение касалось как русских, так и иноэтнических материалов. Так, в опубликованной в 1975 г. статье М. А. Лобанова приведены данные о более чем 3000 фольклорных произведений различных народов Российской Федерации (помимо русских).⁵ В Фонограммархиве, наряду с другими мате-

² Гиппиус Е. В. Фонограмм-архив Фольклорной секции Института антропологии, этнографии и археологии Академии наук СССР. С. 405—413.

³ Магид С. Д. Список собраний Фонограмм-архива... С. 415—428.

⁴ При составлении указателей учитывались только оригиналы.

⁵ Лобанов М. А. Фольклор народов РСФСР в Фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР // Фольклористика Российской Федерации. Мат-лы конф., посвященной итогам и проблемам изучения народного

риалами, хранятся многочисленные записи, а также расшифровки текстов и напевов, подготовленные для задуманной перед войной серии «Песни народов СССР».⁶

Популяризации уникальных фондовых записей Фонограмм-архива способствует начатое с 1983 г. издание альбомов,⁷ а с 2000 г. и серий компакт-дисков.⁸ Не менее важную роль в систематизации и изучении коллекций сыграла серия международных проектов, о которых и пойдет речь в данной статье. Инициатором, организатором и душой большинства из них стал Тьерд де Грааф, замечательный ученый и удивительный человек, щедро отдающий свое время и свою энергию изучению и сохранению вымирающих языков и находящихся под угрозой исчезновения коллекций.⁹

* * *

В 1995 г. сотрудники Фонограмм-архива обратили внимание Тьерда де Граафа на старые восковые пластинки, которые предположительно относились к экспедициям выдающегося отечественного филолога Виктора Максимовича Жирмунского в немецкие колонии на территории СССР. Всего в собрании содержалась 321 пластинка, некоторые из которых были разложены по номерам, другие же находились в полном беспорядке. Номера на пластинках повторялись. Было очевидно, что в разных частях коллекции проводилась своя нумерация записей.

Хотя упоминание о 323 восковых пластинках с записями песен немцев-колонистов, собранных в 1927—1930 гг. Жирмунским, содержалось в упоминавшейся ранее «Описи» С. Д. Магид,¹⁰ они не были каталогизированы, будучи отнесенными к группе «Временные рабочие оригиналы», и пролежали в забвении почти 60 лет.

творчества автономных республик (областей) РСФСР. Ленинград, ноябрь 1972. Л., 1975. С. 175—184.

⁶ Первый и единственный том серии «Белорусские народные песни», составленный З. В. Эвальд, вышел в 1941 г.

⁷ См.: *Korguzalov V. V., Troitskaya A. D.* The Phonogram Archive of the Institute for Russian Literature (Pushkin House)... P. 119.

⁸ Так, в 2000 г. музыковедами Ю. И. Марченко и А. Ю. Кастровым и инженерами звукозаписи В. П. Шиффом и Г. В. Матвеевым были созданы диски «Non-Russian Traditions», «Russian Folk Traditions».

⁹ См., например: *Грааф Т. де.* Лингвистические базы данных и языковые меньшинства по обеим сторонам Северного Тихоокеанского пояса // *Язык и речевая деятельность.* СПб., 1999. Т. 2. С. 8—17; *Graaf Tjeerd de.* Voices from the past: the use of sound archives for the study of endangered languages // *International Symposium on Preservation of the Intangible Cultural Heritage.* Beijing. 16—18 November 2004.

¹⁰ *Magid C. D.* Список собраний Фонограмм-архива... С. 415—428.

Изучение их стало составной частью международного проекта «Использование акустических баз данных для изучения языковых изменений».¹¹

Работа началась с расшифровки карандашных надписей на оборотной стороне картонных дисков и их сортировке по месту и дате записей. Эти данные, а также названия и первые слова немецких народных песен и имена исполнителей повторялись в других материалах, хранящихся в ФА: нескольких рукописных экспедиционных тетрадах и двух картотеках (в одной из них песни были сгруппированы по месту записей, в другой — по алфавиту начальных слов).

Сопоставление этих данных с публикациями Жирмунского не оставляло сомнений в том, что пластинки составляют часть «Ленинградского архива немецкой народной песни», созданного Жирмунским в 1920-е гг. в результате серии экспедиций в немецкие колонии на территории СССР. Наряду с восковыми пластинками системы Retor Жирмунский использовал для записи мелодий также фонограф. Фонографические валики с записями немецких песен (всего сохранилось 93 фоновалика), поступившие в ФА позднее 1936 г., в отличие от пластинок были описаны и входили в состав коллекций Фонограммархива. К ленинградскому центральному архиву относятся также нотные расшифровки мелодий, хранящиеся в папках под № 50. Что же касается полных текстов песен, то местом их хранения оказался Рукописный отдел ИРЛИ. В нем имеется:

«Коллекция акад. В. М. Жирмунского (немцы-колонисты). Собрание Жирмунского (коллекция № 104). 1926—1930 гг.».

Согласно записи в инвентарной книге, коллекция № 104 содержит результаты экспедиционной работы Государственного института истории искусств и Ленинградского отделения государственной академии искусствоведения и передана в ИРЛИ самим В. М. Жирмунским в период с 1939 по 1940 г. (точная дата передачи отсутствует). По словам Т. Г. Ивановой, «в первые месяцы войны многие люди из пушкинодомского окружения, видимо предвидя эвакуацию, передали в РО ИРЛИ на временное хранение, которое чаще всего становилось постоянным, свои архивные материалы».¹² Так поступил и В. М. Жирмунский, поместив на хранение в Пушкинский Дом результаты огромной по своему объему и значимости работы по собиранию и изучению песенного фольклора российских немцев.

Коллекция состоит из 49 папок, включающих 9597 документов и 10 325 листов. Большая часть собрания содержит машинописные

¹¹ INTAS project nr 94-4758 The Use of Acoustic Databases in the Study of Language Change 1995—1996.

¹² *Иванова Т. Г.* Рукописный отдел // Пушкинский Дом. Материалы к истории 1905—2005. СПб., 2005. С. 343.

тексты немецких песен, записанных на Украине, в Ленинградской области, Закавказье и Крыму, расклассифицированных по жанрам и сюжетам, а также по колониям. Одна из папок содержит песни Поволжья (полученные по обмену). В остальных папках находятся рукописные тексты, авторские и запасные экземпляры, черновики и другие материалы. Особый интерес представляет папка № 43, содержащая несколько вариантов систематического каталога архива.¹³

Так постепенно становилось ясно, что материалы, хранящиеся в Фонограммархиве и Рукописном отделе ИРЛИ, составляют единое целое и представляют собой тот самый «Ленинградский архив немецкой народной песни», о котором неоднократно упоминал В. М. Жирмунский в своих работах, или по крайней мере большую его часть. Некоторые важные материалы, связанные с архивом, например отчеты В. М. Жирмунского об экспедициях, а также дубликаты части текстов и каталогов, хранятся в личном фонде Жирмунского в Санкт-Петербургском отделении Архива Академии наук (фонд №1001).¹⁴

«Ленинградский архив немецкой песни» представляет собой систематизированное собрание машинописных текстов песен, записей мелодий (на фоноваликах, пластинках или в нотировках) и каталоги. Тексты снабжены следующей информацией: шифр, состоящий из обозначения жанра (заглавные буквы от А до О), номера сюжета и номера варианта, инвентарный номер, сведения об исполнителе и его возрасте, времени и месте записи (колонии), а также об авторе записи (исследователе). Фоновалики и пластинки снабжены сведениями о месте и времени записи и исполнителе песни.

Основу этого собрания составляют тексты и мелодии немецких баллад и песен разных жанров, которые были записаны В. М. Жирмунским, его коллегами и учениками¹⁵ в немецких колониях на территории СССР в период с 1926 по 1930 г. Хорошо продуманные экспедиции¹⁶ носили комплексный характер, их це-

¹³ Подробнее о составе и структуре коллекции см.: *Жирмунский В. М. Итоги и задачи диалектографического исследования немецких поселений СССР // Советская этнография. 1933. № 2. С. 84—112; Светозарова Н. Д. 1) «Архив немецкой народной песни в Ленинграде» В. М. Жирмунского: история и современное состояние // Язык и речевая деятельность. СПб., 1999. Т. 2. С. 212—221; 2) В. М. Жирмунский и его «Ленинградский Архив Немецкой Народной Песни» // Мат-лы конф., посвященной 110-летию со дня рождения В. М. Жирмунского. СПб., 2001. С. 83—88.*

¹⁴ Краткое описание фонда см. в книге: Академик Виктор Максимович Жирмунский. Библиографический очерк. Изд. третье, испр. и доп. СПб., 2001.

¹⁵ Среди учеников Жирмунского, принимавших самое активное участие в экспедициях, были выдающиеся отечественные ученые Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева, германисты С. А. Акулянец, А. М. Леонова, В. П. Погорельская и др.

¹⁶ Подробнее о поездках Жирмунского и его учеников в немецкие колонии см.: *Светозарова Н. Д. Фольклорно-диалектологические экспедиции В. М. Жирмунского и его «Архив немецкой народной песни» // Русская герма-*

лью было изучение немецких колоний с точки зрения их истории, диалектологии, фольклора и этнографии.

В 1929—1933 гг. Жирмунский публикует целый ряд статей по материалам экспедиций, преимущественно на немецком языке, частично за границей, в Германии, однако эти публикации отражают лишь малую долю поистине гигантской работы. Значительная часть собранного материала была, очевидно, практически готова к публикации. Так, в статье 1930 г. сообщается о предстоящей публикации обширного собрания «Deutsche Volkslieder aus dem Nawa-Gebiet». Однако найти эту публикацию пока не удалось. Эллинор Иогансон готовила к печати собрание крымских немецких песен, которое с нетерпением ожидали в Архиве немецкой народной песни во Фрейбурге. В начале 30-х гг. в связи с политической ситуацией в стране В. М. Жирмунский полностью прекратил все исследования по немецким колониям в СССР и не упоминал о них в своих последующих публикациях. Ближайшие сотрудники Жирмунского по экспедициям, Эллинор Иогансон и Альфред Штрем были репрессированы и погибли.¹⁷

Результатом первого проекта по изучению собрания Жирмунского, проведенного в 1995—1997 гг. под руководством Л. В. Бондарко, при участии сотрудников кафедры фонетики Санкт-Петербургского университета и сотрудников Фонограммархива ИРЛИ Ю. И. Марченко, А. Ю. Кастрова и В. П. Шиффа, при общей координации работ со стороны профессора Гронингского университета (Нидерланды) Т. де Граафа, стало не только описание содержания и структуры «Ленинградского архива немецкой народной песни». В рамках проекта в Венском фонограммархиве была произведена перезапись всех восковых пластинок на магнитную ленту, а часть из них была представлена в звуковой базе данных, разработанной на кафедре фонетики СПбГУ, что позволило сделать небольшую часть «Ленинградского архива немецкой народной песни» доступной для исследователей и всех интересующихся немецким фольклором. Разработка базы данных была осуществлена П. А. Скределиным, ее заполнение — Н. Д. Светозаровой.

В базу данных вошли 176 записей с 88 пластинок, которые были отобраны по принципу лучшей их сохранности и более высокого качества звучания. Звук был оцифрован и введен в компьютер. База данных на компакт-диске позволяет прослушивать записи (целиком и по частям), обращаться к акустическим данным

нистика. Ежегодник Российского союза германистов. М., 2006. Т. 2. С. 137—147; *Смирницкая С. В.* В. М. Жирмунский и Ленинградский центр по изучению немецких поселений в России // Немцы в России. Русско-немецкие научные и культурные связи. СПб., 2000. С. 61—70.

¹⁷ О судьбе Э. Г. Иогансон-Гегель см.: *Светозарова Н. Д.* Забытое имя — фольклорист Эллинор Иогансон (в печати).

(осциллограмме звукового сигнала), в ней представлен в орфографической записи с элементами транскрипции (распевы гласных, выпадения слогов и звуков) звучащий фрагмент, а в большинстве случаев также и полный текст песни. В базе данных объединена вся информация, содержащаяся в надписях на пластинках, найденных тетрадах, списках, каталогах, машинописном архиве, публикациях Жирмунского. Форма подачи информации максимально приближена к тому виду, который она имела в материалах Жирмунского.

Первая краткая публикация о коллекции Жирмунского в итоговом отчете по проекту¹⁸ привлекла внимание специалистов по немецкому песенному фольклору, в частности Л. Э. Найдич, автора книги о языке и фольклоре петербургских немцев-колонистов.¹⁹ Она познакомила с нашими исследованиями Экхарда Йона, научного сотрудника крупнейшего хранилища немецкой народной песни — «Немецкого архива народной песни» (Deutsches Volksliedarchiv, Freiburg im Breisgau), и это привело к новым международным проектам, в ходе которых была продолжена работа над изучением материалов Жирмунского. Сотрудничество с немецкими коллегами было особенно интересным в связи с тем, что Жирмунский вел переписку с основателем Фрейбургского архива Джоном Мейером, неоднократно бывал там и передавал во Фрейбург копии записанных в России немецких баллад.

В 2001—2002 гг. в рамках проекта «Популярные песни российских немцев»²⁰ было проведено подробное описание всех материалов, связанных с «Архивом» Жирмунского,²¹ и составлен сводный каталог текстов и мелодий. Особенно детально был исследован один из самых своеобразных жанров островного песенного фольклора — колонистские песни.²²

¹⁸ Svetozarova N. D. Zhirmunsky's Collection of German Folk Songs in the Sound Archives of the Pushkinsky Dom // Archives of the Languages of Russia. S. Petersburg—Groningen, 1996. P. 33—38.

¹⁹ Najdič L. Deutsche Bauern bei St. Petersburg—Leningrad. Dialekte — Brauchtum — Folklore. Stuttgart, 1997 (ZDL Beihefte 94).

²⁰ Проект Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и Немецкого архива народной песни (Deutsches Volksliedarchiv, Freiburg im Breisgau) «Populäre Lieder der Russlanddeutschen. Quellen-Erschließung und Edition der Volksliedsammlung von Viktor M. Schirmunski (St. Petersburg)». 2001—2002.

²¹ Deutsches Volksliedarchiv Leningrad (Sammlung Victor M. Schirmunski). Eine Bestandübersicht von Eckhard John und Natalia D. Swetosarowa. Deutsches Volksliedarchiv, Freiburg i. Br. 2001.

²² Kolonistische Lieder. Bestandkatalog einer Liedgattung aus dem Deutschen Volksliedarchiv Leningrad (Sammlung Victor Schirmunski) von Eckhard John und Natalia D. Swetosarowa. Deutsches Volksliedarchiv, Freiburg i.Br. 2001. По материалам колонистских песен опубликованы статьи: John E. 1) Russlanddeutsches «Volkslied». Geschichte und Analyse seiner Konstruktion // Lied und populäre Kultur / Hrsg. von Max Matter und Nils Grosch. Jahrbuch des Deutschen Volksliedarchivs, 48. Jahrgang. Waxmann: Münster—New York—München—Berlin, 2003. S. 133—161.

В 2002—2003 гг. между «Немецким архивом народной песни» и ИРЛИ был заключен договор о сотрудничестве, цель которого состояла в том, чтобы сделать доступными для исследователей звуковые и текстовые материалы созданного В. М. Жирмунским «Архива немецкой народной песни в Ленинграде» (1927—1931).

Сотрудниками Фонограммархива была осуществлена полная перезапись в цифровой форме (на компакт-дисках) и частичная реставрация всех сохранившихся звуковых материалов (90 фоноваликов и 321 восковая пластинка). В рамках этого проекта был также создан полный каталог валиков и пластинок, составленный Л. Н. Пузейкиной и Н. Д. Светозаровой.

В результате этой работы «Немецкий архив народной песни» получил полный комплект компакт-дисков с переписанными звуковыми документами, а также относящийся к ним каталог. Еще один набор компакт-дисков и экземпляр каталога получил Фонограммархив.

Параллельно с этим было осуществлено сканирование всех текстов песен из коллекции Жирмунского, хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ.

Сразу же после завершения копирования и составления каталогов и протоколов перезаписи во Фрейбурге началась работа по изучению коллекции Жирмунского. Около 4000 текстов и более 1000 мелодий немецких песен, которые когда-то пели российские немцы, пополнили 250-тысячное собрание Фрейбургского архива. Таким образом, было осуществлено то, что в силу исторических причин не мог выполнить Жирмунский.

* * *

В 1999 г. объектом исследования в новом международном проекте, также инициированном Тьердом де Граафом при финансовой поддержке Нидерландского фонда научных исследований NWO, стала коллекция еврейского фольклора С. Д. Магид и ее диссертация «Баллада в еврейском фольклоре». Именно последняя, рукопись которой чудом сохранилась в Фонограммархиве, привлекла пристальное внимание Т. де Граафа. Изучение этой рукописи и лежащих в ее основе уникальных записей еврейских

2) Da amüsiert der Nemez sich. Die «kolonistischen Lieder» der Russlanddeutschen // Ibid. S. 163—205; *Светозарова Н. Д.* Типы языковых контактов в фольклоре немецких колонистов (на материале «Архива немецкой народной песни в Ленинграде» В. М. Жирмунского) // Петербургское лингвистическое общество. Научные чтения-2003. СПб., 2004. С. 127—135; *Swetosarova N.* Spuren der Interkulturalität in Sprache und Lied am Beispiel der Volksliedsammlung Viktor Schirmunski // *Russlanddeutsche Kultur: eine Fiktion?* Freiburg, 2006, 143—157.

народных баллад привело к многолетнему исследованию жизни и творчества выдающегося отечественного фольклориста Софьи Давидовны Магид.²³

Софья Магид родилась в 1892 г. Петербурге.²⁴ Ее отец — Давид Гилелевич (Гилларионович) Маггид (род. 1862, Вильна — ум. 1942, Ленинград), литератор и музыковед, известный исследователь истории еврейского народа, еврейского языка, литературы, искусства и музыки, в 1920-е гг. работал в Публичной библиотеке, где заведовал еврейским отделом рукописного отдела, и в Институте истории искусств. В 1912 г. Софья Магид поступила в Петербургскую консерваторию. Окончив ее в 1917 г. по классу рояля, она занималась музыкально-педагогической и исполнительской работой, а в 1922 г. поступила на высшие курсы искусствознания при Государственном институте истории искусств, по отделу «Музо». После окончания курсов в 1926 г. была зачислена внештатным научным сотрудником ГИИИ по Фольклорной секции, а с 1927 г. начала работать в фонотеке ГИИИ. В 1928 и 1930 гг. С. Магид проводит фольклорные экспедиции на Вольнь с целью записи еврейских народных песен и инструментальной музыки.

В 1931 г. Фольклорная секция ГИИИ была ликвидирована, и С. Д. Магид начала работать в Фонограммархиве Фольклорной секции Академии наук СССР в качестве научного сотрудника и и.о. хранителя. С 1931 по 1941 г. она занималась собиранием и изучением музыкального фольклора народов СССР, провела более 10 экспедиций на Украину, в Белоруссию, Азербайджан, Карелию и записала около 2000 напевов и большое количество текстов. В 1931 г. по приглашению ИПИН'а (Институт по изучению народов) она принимала участие в Белорусской экспедиции (Могилевский район), проводя там запись белорусских и еврейских народных песен и инструментальной музыки.

В 1931 г. С. Д. Магид подготовила к печати том «Народные песни и инструментальная музыка евреев Украины», содержащий 300 песен с текстами и примечаниями. О собирательской активности С. Д. Магид свидетельствует ее участие в 1932 г. в Азербайджанской фольклорной экспедиции по приглашению

²³ Подробнее о жизни и творчестве С. Д. Магид см.: *Swetosarova N. D. Sofia Magid und ihre Sammlung jiddischer Folklore* // Karl E. Grözinger (Hg.) *Klezmer, Klassik, jiddisches Lied. Jüdische Musikkultur in Osteuropa*. Wiesbaden, 2004. S. 73—80; *Светозарова Н. Д.* Музыковед и фольклорист С. Д. Магид (1892—1954) // Из истории еврейской музыки в России. СПб., 2006. Вып. 2. С. 309—334; *Гуральник Л. Ю.* Музыкальное оформление народных баллад на идише (по материалам неопубликованного исследования Софьи Магид) // Там же. С. 335—352.

²⁴ Сведения для биографии С. Д. Магид получены из двух личных дел, хранящихся в Архиве Академии наук (1-е — ф. 150, оп. 2, № 564, 99 л., 2-е — ф. 150, оп. 2, № 720, 46 л.), и личного архива С. Д. Магид, хранящегося в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки, фонд 1000.1978.9.

Наркомпроса АССР (районы Нагорного Карабаха и Курдистана), во время которой были проведены записи тюркских, армянских и курдских крестьянских песен и профессиональной музыки.

В 1932—1933 гг. С. Д. Магид ведет работу по собиранию еврейского революционного фольклора в Обществе политкаторжан в Ленинграде.

В 1933—1934 гг. она была приглашена на работу по договору для описания и инвентаризации валиков Фонограммархива ИАЭ (Института антропологии и этнографии), который в это время приступил к подготовке научного описания своих коллекций. В качестве предварительной работы необходимо было паспортизировать 3175 фоноваликов с приблизительным количеством записей около 10 000. Из них «в порядке производственного плана и ударных обязательств» 1175 валиков должны были быть обработаны сотрудниками Фольклорной секции, для обработки же оставшихся 2000 предполагалось пригласить специального работника по договору.

В следующем году, будучи уже старшим научным сотрудником 2-го разряда Фольклорной секции, Магид занимается исследованием по теме: «Народные песни евреев Белоруссии и Волыни и их социальное расщепление». Ею был подготовлен к печати том «Собрание русских революционных песен 1890—1905 гг.», содержащий 200 песен, записанных автором в 1935 г. от членов Общества старых большевиков и Общества политкаторжан. В 1936 г. в журнале «Советская этнография» (№ 2—3) выходит ее статья «Еврейский революционный фольклор». В этом же году ею был составлен и опубликован «Список собрания Фонограммархива Фольклорной секции ИАЭ АН СССР с приложением алфавитных списков народностей и собирателей» (Советский фольклор. 1937. № 4—5).

В 1938 г. С. Д. Магид завершает работу над кандидатской диссертацией «Баллада в еврейском фольклоре», в основу которой легли сделанные ею на Украине и в Белоруссии записи еврейских баллад. Защита прошла 1 июля 1939 г. в Институте языка и мышления им. Н. Я. Марра. Официальными оппонентами выступили кандидат искусствоведческих наук З. В. Эвальд и доктор этнографических наук Е. Г. Кагаров. Отзывы на диссертацию были представлены также членом-корреспондентом Академии наук СССР языковедом и литературоведом В. М. Жирмунским, доктором филологических наук, фольклористом М. К. Азадовским и кандидатом искусствоведческих наук Е. В. Гиппиусом. 19 декабря 1939 г. С. Д. Магид была утверждена в ученой степени кандидата филологических наук. Текст диссертации объемом 428 машинописных страниц не был опубликован (что обычно для наших кандидатских диссертаций), но сохранился в

Фонограммархиве Пушкинского Дома, а также в Публичной библиотеке.

Софья Магид занимается организационной, лабораторной и редакторской работой, готовя к изданию ряд сборников для серии «800 песен народов СССР». В 1941 г. для этой серии ею был подготовлен к печати сборник «Песни карелов и вепсов», включавший в себя напевы, национальные тексты и их эквиритмические переводы, и сборник «Песни белорусских евреев», содержащий 200 нотных расшифровок с текстами, комментариями и вступительной статьей. Напечатаны эти материалы не были, лишь статья «Эвенкийский песенный фольклор» была опубликована в 1940 г. в журнале «Советский фольклор», № 6 (в соавторстве с Г. М. Василевич).

В 1941 г. происходит консервация Фонограммархива Фольклорной секции Академии наук СССР, и в сентябре 1941 г. С. Д. Магид была уволена в связи с сокращением штатов. Первые 18 месяцев блокады она провела в осажденном городе, участвуя в обороне Ленинграда и работая в музыковедческой секции Союза ленинградских композиторов, где она занимается собиранием и изучением фольклора Великой Отечественной войны.

С 1943 по 1944 г., находясь в эвакуации, С. Д. Магид работает в Казахской ССР, собирая и изучая казахский песенный фольклор. На базе этих работ в 1944 г. была написана статья «Эпические песни казахского народа» и зачитаны научные доклады в Алма-Ате в бывшем Институте языка и мышления и на конференции по фольклору Средней Азии, организованной ИВАН (Институт востоковедения Академии наук) и ИАЭ в Ташкенте, в апреле 1944 г.

В 1944 г. С. Д. Магид возвращается в Ленинград. Она продолжает заниматься изучением фольклора Великой Отечественной войны и выступает с рядом научных докладов на эту тему. За это время ею был написан ряд статей и выполнен ряд библиографических работ по советской песне. В конце 1946 г. в связи с деконсервацией Фонограммархива С. Д. Магид была восстановлена в прежней должности старшего научного сотрудника Фольклорного сектора и с 1 ноября 1946 г. приступила к работе, включившись в пятилетний план музыкальных публикаций сектора по разделу русской народной песни. В 1948 г. ей было присвоено ученое звание старшего научного сотрудника по специальности «Русский фольклор». К 1948 г. С. Д. Магид подготовила к печати сборник «Песни Псковщины», содержащий 120 русских народных песен (с нотами, текстами, развернутым комментарием и вступительной статьей), который являлся частью пятилетнего плана музыкальных публикаций Сектора фольклора ИРЛИ, статью «Современная народнопесенная традиция Псковщины», которая была включена в план Псковгосиздата на 1949 г.

Эти рукописи — последние в списке трудов С. Д. Магид.²⁵ Они свидетельствуют о достаточно активной научной работе уже немолодой и не очень здоровой исследовательницы. Тем не менее 13 апреля 1950 г. она была отчислена из штата Института «как не выполнившая план 1949 г. и представившая работы, выполнявшиеся в 1949 г., на низком теоретическом уровне».²⁶ Истинной причиной увольнения, скорее всего, было недовольство руководства Института направлением исследований С. Магид, в частности ее занятия еврейским фольклором.

Можно предположить, что увольнение готовилось заранее и что коллеги Софьи Давыдовны предпринимали попытки воспрепятствовать этому. Именно к этому периоду, видимо, относится сохранившийся в архиве большой отзыв о научной деятельности С. Д. Магид, написанный М. Азадовским (дата отсутствует). В этом отзыве дается чрезвычайно высокая оценка С. Д. Магид как уникального специалиста. М. К. Азадовский пишет: «Накопленный С. Д. Магид за 20 лет работы богатейший слуховой опыт по песням и инструментальной музыке различных народов, владение современными научными методами исследования сделали ее одним из крупнейших специалистов в области научной обработки фонозаписей (так называемых «расшифровок»), т. е. искусства слышания и максимально точного и наглядного изложения в нотных знаках тончайшей интонационной специфики данного музыкального явления». Азадовский говорит также о большой роли исследовательницы в становлении коллекций Фонограммархива: «С фонограммархивом С. Д. Магид связана с момента его зарождения еще в 1927 году в виде маленькой ячейки, бывшей фонотеки ГИИИ. Со времени перехода фонограммархива в систему Академии наук СССР она непрерывно продолжала в нем работать в качестве научного сотрудника и и. о. хранителя, своими трудами немало способствуя превращению фонограммархива в одно из крупнейших хранилищ мира. Фонограммархив в значительной степени обязан пополнением своих коллекций энергии и собирательскому таланту С. Д. Магид. Ею сделано около 2000 звукозаписей народных песен: русских, белорусских, курдских, тюркских, армянских, грузинских, еврейских, карельских, вепских и различных народов Севера. Среди этих звукозаписей находятся коллекции, имеющие огромное историческое значение: песни различных народов о Ленине и Сталине (частично опубликованные в сборнике «Песни о Ленине и Сталине») и др.». К сожалению, даже собирание и

²⁵ Список печатных трудов С. Д. Магид опубликован в статье: *Светозарова Н. Д.* Музыковед и фольклорист С. Д. Магид (1892—1954) // Из истории еврейской музыки в России. СПб., 2006. Вып. 2.

²⁶ Выписка из приказа от 13 апреля 1950 г. за подписью директора Института Н. Ф. Бельчикова на основании протокола научного заседания сектора фольклора от 13 марта 1950 г.

публикация песен о Ленине и Сталине не спасли С. Д. Магид от увольнения. Софья Давыдовна Магид скончалась в 1954 г., через 3 года после увольнения из Института, работе в котором она посвятила большую часть своей жизни.

Изучение жизни и творчества С. Д. Магид и еврейской фольклорной коллекции, собранной ею в экспедициях на Волынь и в Белоруссию, было частью международного проекта «Voices from the Shtetl: The Past and Present of the Yiddish Language in Russia» (NWO Russian-Dutch Research Cooperation. Project nr. 047-007-012, 1999—2002). За это время Ю. И. Марчеко, А. Ю. Кастровым при участии Н. Д. Светозаровой было составлено полное описание сохранившихся фоноваликов (141), на которых записано более 500 образцов балладного и песенного фольклора, инструментальной музыки и пуримшпили. Была изучена диссертация «Баллада в еврейском фольклоре», первое исследование по этой теме, безусловно несущее отпечаток своего времени и отражающее уровень фольклористики 1930-х гг., но тем не менее представляющее большой научный и историко-культурный интерес. Записи 25 баллад были отреставрированы и представлены в звуковой базе данных (см. выше, в разделе о коллекции Жирмунского) вместе с относящимися к ним описаниями из диссертации Магид и ее нотными расшифровками.

В 2000 г. Т. де Грааф и Н. Д. Светозарова выступали с докладами о Софье Магид и ее коллекции еврейского фольклора в Иерусалиме, по приглашению профессора Иерусалимского университета этномузыковеда Эдвина Серусси. Информация вызвала живой интерес израильских музыковедов.

В том же году по инициативе профессора Карла Грецингера был заключен договор между Пушкинским Домом, Российским институтом истории искусств и Кафедрой религиозных наук (Университет Потсдам, Германия), целью которого было копирование материалов еврейской коллекции С. Магид. Благодаря этому изучение уникального собрания ведется не только в Петербурге, но и в Германии.

* * *

В 2003 г. по инициативе Тьерда де Граафа был начат новый проект, получивший название «Голоса тундры и тайги».²⁷ Одно из направлений этого проекта состояло в изучении звуковых и рукописных материалов Фонограммархива по языкам и фольклору

²⁷ Voices from Tundra and Taiga: A National Sound Archive of Endangered Languages and Cultures in Russian Federation. NWO. Subsidiennummer 047. 014.020. 2003—2005.

народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. В рамках этого проекта сотрудники Фонограммархива Ю. А. Марченко и А. Ю. Кастров и ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований А. А. Бурыкин провели огромную работу по модернизации значительной части каталога фонозаписей Фонограммархива, а также по описанию имеющихся в нем рукописных материалов. В результате была издана книга,²⁸ содержащая сведения о хранящихся в Фонограммархиве коллекциях, которые были собраны на протяжении XX в. известными исследователями этнографии, языка и фольклора народов России, Центральной Азии, Дальнего Востока и Северной Америки (В. И. Иохельсон, С. М. Широкогоров, Л. Я. Штернберг, В. К. Штейниц и др.) или записаны сотрудниками Фонограммархива в 1920—1930-е гг. от студентов Ленинградского Института живых восточных языков и Института народов Севера. Среди последних встречаются имена известных поэтов, писателей и общественных деятелей народов Севера РФ. Публикация снабжена списком этносов и списком собирателей. К книге прилагается компакт-диск, который содержит электронный каталог иноэтнических северных коллекций, описание сопутствующих рукописных материалов и образцы звукозаписей. После «Описи» 1936 г. это самая значительная публикация части сводного каталога Фонограммархива ИРЛИ. Работа ставит своей целью привлечь внимание широкого круга исследователей — историков, этнографов, лингвистов, музыковедов — к этим уникальным материалам. Своевременность и важность такой публикации можно продемонстрировать на одном примере.

Среди многочисленных коллекций фольклора малочисленных народов Русского Севера в Фонограммархиве Пушкинского Дома хранятся 30 фонографических валиков, записанных известным финно-угроведом, германистом и фольклористом Вольфгангом Штейницем. Согласно записи в каталоге ФА это:

Коллекция № 127. Собиратель Штейниц Вольфганг (Вольфганг Карлович). Записи выполнены на восковых валиках (фонографических цилиндрах) в Сибири от **хантов** Остяко-вогульского национального округа (Березовский район) в 1935 г. Материалы переданы из Института народов Севера в 1930-х гг. В рукописном фонде Фонограммархива имеется предварительное описание экспедиции (ФА РФ п. 61, л. 36—37).

Всего на 30-ти валиках имеются 44 записи: инструментальная музыка (игра на национальном инструменте *paŋəs-juŋ*, песни, «медвежьи песни», шаманское камлание, сказки).²⁹

²⁸ Коллекции народов Севера в Фонограммархиве Пушкинского Дома. СПб., 2005. 120 с. +CD (А. А. Бурыкин, А. Х. Гирфанова, А. Ю. Кастров, Ю. И. Марченко, Н. Д. Светозарова, В. П. Шифф).

²⁹ Подробнее см.: *Swetosarowa N. Verschollen geglaubte Feldforschungsaufnahmen. Zur Sammlung Wolfgang Steinitz im Phonogrammarchiv St. Petersburg // Die*

Качество записей, хотя и не очень высокое,³⁰ позволяет тем не менее проводить исследование как музыкальной, так и языковой стороны фольклорных произведений. Однако такое исследование, по всей видимости, до сих пор не предпринималось ни отечественными, ни зарубежными хантоведами.

Как выяснилось в результате публикации весной 2005 г. книги «Коллекции народов Севера в Фонограммархиве Пушкинского Дома»,³¹ эти валики считались утерянными. О том, что Штейниц не имел возможности взять с собой фоновалики, записанные им во время экспедиции в Сибирь, при его вынужденном отъезде из Советского Союза в 1937 г., говорят Розе-Луизе Винклер³² и автор книги о В. Штейнице Аннет Лео.³³ Оказалось, что и сам Вольфганг Штейниц (по словам его дочери Ренаты Штейниц), и его ученики (например, Герд Зауер), и режиссер фильма об экспедиции на Обь Карлхайнц Мунд были убеждены в том, что сделанные ученым записи погибли (или были уничтожены) во время блокады Ленинграда.

По счастливой случайности в книге в качестве иллюстраций на компакт-диске были приведены 4 записи именно из этой считавшейся утерянной коллекции, а также факсимиле описи, сделанной рукой В. Штейница.

Было проведено сравнение этой описи и данных каталога ФА. Полное совпадение времени и места фонографических записей со всей очевидностью говорит о том, что в ФА ИРЛИ хранятся 30 фоноваликов из 31, которые упоминает Штейниц в своем «Отчете об экспедиционной поездке в Сибирь», написанном для Института народов Севера.³⁴ Дополнительные подтверждения мы находим в дневнике, который Вольфганг Штейниц вел во время своей сибирской экспедиции к осякам (хантам).³⁵ В этом

Entdeckung des Sozialkritischen Liedes. Zum 100. Geburtstag von Wolfgang Steinitz / Hrsg. von Eckhard John. Waxmann: Münster—Berlin—New York, 2006. S. 49—60.

³⁰ По принятой в ФА ИРЛИ 5-балльной шкале оно варьирует от 2 до 4, большая часть валиков имеет оценку 3, т.е. качество звучания — среднее.

³¹ Коллекции народов Севера в Фонограммархиве Пушкинского Дома / Сост. А. А. Бурькин, А. Х. Гирфанова, А. Ю. Кастров, Ю. И. Марченко, Н. Д. Светозарова, В. П. Шифф. СПб., 2005.

³² *Винклер Р.-Л.* Вольфганг Штейниц — немецкий хантовед, славист, филолог, этнограф, фольклорист. (Из переписки В. Штейница и Ю. Н. Русской) // Немцы в России. Российско-немецкий диалог. СПб., 2001. С. 327—338; *Winkler R.-L.* Wolfgang Steinitz' Expedition im Ob-Gebiet im Jahre 1935. Eine wissenschaftshistorische Betrachtung // Wolfgang Steinitz und die westsibirischen Völker der Chanti und Mansi. DAMU. Heft 2/2000. S. 9—23.

³³ *Leo A.* Leben als Balance-Akt: Wolfgang Steinitz. Kommunist, Jude, Wissenschaftler. Berlin, 2005. S. 141.

³⁴ Bericht an das Institut für Nordvölker (INS) über eine Studienreise in den Kreis der Ostjaken und Wogulen im Jahre 1935 // *Steinitz W.* Ostjakologische Arbeiten. Band 4: Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie. Den Haag, 1980. S. 433—435.

замечательном историческом документе автор фиксирует среди прочего даты, содержание и условия производимых им собственноручно записей на фонограф. Дневник не только убеждает нас в полной идентичности упоминаемых Штейницем записей и петербургских фоноваликов, но и позволяет сделать некоторые уточнения.³⁶ Штейниц начал записи на фонограф на следующий день после приезда в Лохтоткurt, 31 июля 1935 г. Последние песни были зафиксированы им там же в день его вынужденного отъезда, 22-го октября того же года. Таким образом, запись на фонограф как бы обрамляет историю пребывания замечательно-го исследователя хантыйского языка на Сибирской земле.

* * *

Новый этап международного сотрудничества связан с начавшимся в 2006 г. по инициативе Тьерда де Граафа и директора Венского Фонограммархива Дитриха Шюллера проектом,³⁷ целью которого является сохранение и консервация звуковых материалов по языкам Российской Федерации, находящихся в частных коллекциях. Это совместный российско-австрийско-нидерландский проект при финансовой поддержке программы Британской библиотеки «Endangered Archives». Необходимость такой работы очевидна. В России многие старые звукозаписи находятся в личных архивах, где не могут быть гарантированы необходимые условия их хранения. Важнейшая задача проекта заключается в перезаписи материалов с использованием самой современной техники и в создании условий хранения, которые будут способствовать модернизации архивной работы в Российской Федерации в соответствии с мировыми стандартами.

³⁵ В сокращенном варианте дневник опубликован в книге: *Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Band 4: Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie.* S. 397—432.

³⁶ Подробнее см. в статье: *Swetosarowa N. Verschollen geglaubte Feldforschungsaufnahmen.* S. 49—60.

³⁷ Safeguarding and preservation of sound materials of endangered languages in the Russian Federation for sound archives in St.Petersburg. A joint Austrian-Dutch-Russian project, financially supported by a grant from the Endangered Archives Programme at the British Library (2006—2007).